

Это, конечно, не литература. Но случилось в моей жизни музей и библиотека. Две страницы, полные иллюстраций. Мне говорят: из каждой такой зарисовочки можно сделать полноценный рассказ или даже повесть. Но, во-первых, мне просто лень. А во-вторых, каждая из этих зарисовок мне кажется уже абсолютно законченным рассказом. И что-то расширять и продлевать ни к чему.

Очарованные Овсянкой

Я вроде бы в детстве не хотела работать в музее. Пожалуй, я вообще никогда нигде не хотела работать. Потому что я лодырь. Но, помнится, будучи в музее, я с завистью смотрела на сотрудников, выходявших из какой-нибудь боковой двери. И думала: «Везёт, им туда можно ходить. А нам, посетителям, нельзя». Это ж только лет через тридцать понимаешь, что за той дверью—каморка метр на метр с вёдрами, швабрами и тряпками. А тогда дверь казалась волшебной. Сейчас, выйдя из щитовой в выставочный зал, поймала на себе детский взгляд. Да, да, девочка, я из сказки. Я—фея.

В сельском магазине мне положили пачку сигарет, половинку чёрного и коробочку сливок в трёхрублевый пакет с надписью «D&G». И вот я иду такая вся в «дольче габбане». По Овсянке.

Каждое утро в Овсянке меня встречает Вук—рыжий лопухий пёс. Он бежит мне навстречу, добегает до меня, резко разворачивается на сто восемьдесят и некоторое время семенил рядом, давая мне понять, что я не жиган в джинсах, а дама с собачкой.

В доме напротив выставочного зала живёт работающая семья, коренные овсянцы. У них большое хозяйство. Например, три коровы. И собака размером с телёнка. Зовут Малыш. Он безобидный и стеснительный. Очень смущается, когда видит, что я пытаюсь его сфотографировать. Сразу встаёт, опускает большую голову, поворачивается ко мне тощим задом и медленно уходит. Зато он не стесняется подчищать чашку Вука. Вука хозяин кормит плохо. Поэтому его подкармливает наша смотрительница. Малыша хозяйка кормят хорошо. Но из чашки Вука Малышу вкусней, он съедает из неё даже то, на что дома и смотреть бы не стал.

Малыш очень обаятельно улыбается. Особенно когда его хозяин сурово едет по селу на красном мотороллере с кузовом. Малыш несётся рядом с той же скоростью и счастливой улыбкой. Как-то спрашиваю у хозяина:

— А что это Малыш прихрамывает сегодня?
— Да прикидывается. Чтoб пожалели побольше.
Так что он ещё и артист!

В Овсянке есть психиатрическая больница. Об этом известно всей округе в радиусе сорока километров. В Овсянке есть музей Астафьева. Об этом в радиусе знает, видимо, не каждый. Потому что всякий раз, когда человек узнаёт, что я работаю в Овсянке, он радостно спрашивает:

— В психушке?

Сначала я просто отвечала:
— Нет,—и добавляла:— В музее.

Потом это стало надоедать, и теперь на радостный вопрос: «В психушке?»:
— Нет!—раздражённо отвечаю я. И гордо добавляю:— В музее.

Сегодня в автобусе женщина спросила:
— В Овсянку на дачу едете?

— Я в Овсянке работаю.

— В музее?—радостно спросила она.

— Нет!—раздражённо ответила я. И что-то добавлять с гордостью было поздно. О великая сила привычки!

Женщина посмотрела на меня жалостливо, наверное, подумала: «Значит, в психушке». Но ничего не сказала.

Захожу в сельский магазин. Продавщица ругается с товароведом. Выхватываю фразу:

— Да провались земля и небо, я на кочке проживу!!!

Заходит бабуленька. Продавщице:

— Катя (ну, они тут все друг друга знают)!—и, кивая то ли в сторону хлеба, то ли колбасы:— Катя, а Украина есть?

— Есть!—твёрдо отвечает Катя.

Вот и славно, думаю я и зайчиком бегу с магазином... Пусть всё будет. И Украина, и хлеб, и колбаса.

Двое посетителей музея, муж и жена, приехали на машине. Муж расспрашивает, что ещё в наших

краях можно посмотреть. На Ергаках они уже побывали, и ещё где-то, и ещё где-то.

Спрашиваю— просто для поддержания беседы:— Вы путешествуете?

— Нет. Просто ездим.

Да... беседы не получилось.

В Овсянке у соседней нашего музея, о которых я уже рассказывала, кроме собаки Малыша, о котором я тоже уже рассказывала, есть кот. Полосатый аккуратный Кеша в белых носочках. Носочки белые в любую погоду, как умудряется не пачкаться— не знаю. Кеша ловит в округе мышей и уносит их к себе домой— показать хозяевам. Он хороший охотник, и страсть к этому жестокому промыслу удивительно сочетается в нём с ласковостью: встретит— обязательно потрётся об ноги, даст себя погладить. И скромностью: фотографироваться не любит, предпочитает нюхать ромашки. Раз зашёл в выставочный зал. Полюбопытствовал на предмет мышей. Мышей не оказалось, осмотрел экспозицию. Одобрил, судя по всему. Потом прохожу мимо их дома, Малыш сидит у калитки, терпеливо ждёт, когда хозяин заведёт мотороллер. Говорю:

— Малыш, а ты что к нам не приходишь картины смотреть? Вот Кеша уже приходил!

Малыш стеснительно отворачивается, хозяин переводит:

— Да у вас подворотня маленькая, не пролезть!

В городе автобусы ходят более-менее регулярно. И на остановках людно. Не чувствуешь себя одиноким и покинутым. За городом всё немного иначе. Вот, к примеру, вы своим ходом добираетесь из Овсянки в Красноярск. И стоите одинёшеньки на остановке, глядя вдаль в горизонт, откуда должен показаться сто шестой автобус. А его всё нет. Холодно. Темно. Слева— лес. Справа— железно-дорожное полотно, по которому давно ничего не ходит. Из снега торчат высокие скелеты бурьяна. И от всего этого пять минут кажутся часом. А сто шестого нет. Знаете, как ускорить его появление? И даже— сделать незамедлительным? Я знаю. Надо закурить. И желательно последнюю сигарету из пачки. Автобус приедет сразу. И откроет перед вами двери, не успеете вы сделать и трёх затяжек...

Зима. Пуржит. Сельские собаки распушились. Одна говорит: «Я лиса!» Второй: «Я белый волк!» Третья: «Я чернобурка!» Кошек вообще на улицах не видно, все по печкам.

В магазине, в который я обязательно захожу утром на предмет чего-нибудь к чаю, встревоженно вылетает из недр в торговый зал товаровед.

— Девочки! Мы невесту продали?

— Какую?

— Какую?!

— А! Нет, вон она валяется!

— Вот! А на фи́га они её ещё привезли?!

Убегает, из недр доносится:

— Не надо мне невесту, мы не заказывали! Не берёт никто вашу невесту! Валяется ваша невеста, не нужна никому!

Таинственный профессиональный язык для посвящённых.

А это печенье оказалось. В суфле.

Девочка на экскурсии (лет десяти):

— У вас такая необычная куртка! И шарфик!

Неумение отличить детскую непосредственность от скрытой намершки меня всегда вводит в ступор. Осторожно спрашиваю:

— Это хорошо или плохо?

Думаю, сейчас как ответит: «Амбивалентно!»— тут я и рухну.

— Это замечательно! Вас же отовсюду видно!

Внимательный ребёнок растёт. Не только экспонаты разглядывает, но и экскурсовода...

Подъезжает к воротам машина. Дорогая. Солидный дядька выглядывает в хорошем пиджаке:

— Где тут у вас музей?

— Осмотр начинается вон с той усадьбы, подъезжайте туда, там вас обилетят.

— Это чё, вам ещё и деньги платить?

Развернулся и уехал. Я не заплакала и не бежала следом.

И это не единичный случай. Удивляются, что надо платить, многие. Некоторые удивлённые платят, некоторые уезжают.

Да, люди. В Овсянке родился, жил и работал Виктор Петрович Астафьев. Теперь здесь музей. Надо покупать билет, то есть платить деньги. Сто рублей стоит взрослый билет, пятьдесят— детский. За право фотографировать на территории— тоже пятьдесят рублей. Деньги неслыханные.

Вот говорят, стихийно собравшаяся толпа— это ещё не коллектив. Смотрю на пассажиров автобуса номер сто шесть Красноярск— Дивногорск. Он идёт через Овсянку, на нём я ежедневно добираться до музея, где работаю. Не знаю, не знаю... у коллектива вроде должна быть общая цель. У нас, у пассажиров, такая цель есть— поскорей выехать из города. И мы очень быстро становимся не то что коллективом, а просто одной большой семьёй...

Итак, Предместная площадь. Сто шестой. Я, как главный везун России,— на последнем боковом сиденье рядом с грязнущей-пыльнущей запаской. В белых брюках, разумеется. Женщина кричит в трубку:

— Гена! Ну где ты, Гена? Мы уже жас поедем, я на тебя билет купила! Где ты бежишь рядом?? На Крассрабе? Где? Я не вижу.

Коллектив сто шестого дружно поворачивает головы в сторону Красраба. И смотрит, где там Гена. Один товарищ облегчённо говорит:

— Вон он.

— Где?—взвывается жена Гены.—Нет, это не он. Он с баяном.

— Да не волнуйтесь вы,—говорит другой мужчина.—Всё равно автобус не поедет, пока не наполнится. А ещё четыре свободных места.

— Гена! Тут говорят, что ты успеешь, ещё места есть. Да! Весь автобус за тебя переживает! Где ты? По Красрабу бежишь? Давай быстрее, прям неудобно, все волнуются.

Ну, мы ли не коллектив???

Гена наконец-то вваливается в автобус. С маленьким чёрным гробиком, в котором, стало быть, баян.

Коллектив готов аплодировать, но сдерживается. Но рад!!!

Песня та же, исполняю я же. Автобус номер сто шесть. Тётки с помидорной рассадой, деда с граблями, я. Тронулись. И тут—дождь! Ливень!

На Свердловской одна женщина не выдерживает:

— Водитель! Остановитесь на станции «Енисей». Я выйду. На дачу собиралась, но передумала: дождь такой, чего в грязи копать?..

Коллектив:

— Да прекратите! Дождь скоро кончится. Собрались уже, так чего там передумывать?

— Вы так считаете? Ладно... Действительно, чего я?... Ладно, уговорили.

Водитель этой дискуссии не слышал, останавливает автобус на станции «Енисей».

— Кто выходит собрался? Выходите.

— Ой! Спасибо, но я уже передумала! Спасибо, извините! Передумала я!

Автобус трогается, а мне безумно жаль, что я не вижу лица водителя...

Радио в автобусе меня ждало с гороскопом. Только захожу: «Рыбы! У вас сегодня обострится интуиция! И появится умение выражаться образно и доходчиво!» Ну наконец-то. А интуиция и вправду резко обострилась. Четыре подростка с тётенькой едут вместе со мной. Думаю: «Пооди, в Овсянку». Из разговоров понимаю, что так и есть. А они и не догадываются, что вот эта заспанная личность в клетчатой толстовке—их экскурсовод. У них не обострилось. Видать, они не Рыбы.

Нескончаемая тема сто шестого автобуса.

Рядком: я, парень с удочкой (удочка между ног, строго вертикально), тётенька. Тряхануло. Тётенька:

— Ой, чуть за удочку не схватила, как за стойку! Я, машинально, не отрываясь от книжки:

— А чё не схватились?

— Да вспомнила, как одна женщина вот так же схватила за мотыгу. Тоже подумала, что это стойка. И улетела вместе с мотыгой в конец автобуса...

У нас обычно не говорят «мотыга». Говорят «тяпка».

Ну, я морду тяпкой и дальше еду...

Пару недель назад я получила трещину в ребре. Больничный не взяла, осторожно таскаюсь на работу. Вообще, трасса Красноярск—Дивногорск неплохая, но сейчас на ней ямочный ремонт. Потряхивает.

— Аы-ы!

...

— Ы-ы-ы-ый!

...

— О-о-ой-й-й!

Рядом дядя сидит, кошусь—лицо каменное. Но неудобно, что периодически взываю. Говорю:

— Вы извините, у меня ребро нарушено...

Даже голову в мою сторону не повернул, молвил:—Ничего. Очень даже страшно.

Я испуганно заткнулась.

Водители сто шестых автобусов обычно суровы и сдержанны. Им не до юмора. Какой тут юмор—помотайся по горному серпантину несколько раз в день. Однако правил нет без исключений.

Водитель:

— Женщина, вам куда?

— Да вот думаю... Мне на кладбище надо...

— А я вот думаю, не надо вам на кладбище. Рано!

Сериал продолжается. Сто шестой.

— Ты какать не хочешь? Ты точно какать не хочешь?

Трёхлетний мальчик молчит и пьёт квас. Он вообще маму не слышит. Зато маму прекрасно слышит коллектив сто шестого. И очень даже напрягается. Потому что, знаете ли... В перегаре мы ездим почти каждый день. И даже привыкли... Как-то раз человека вытошнило прямо в салоне. Можно было, конечно, выйти посреди тайги, идти пешком или ловить попутку... Но так никто не поступил. Потому что мы—коллектив. И вот теперь от мальчика зависит, будет ли у нас, так сказать, свежие впечатления от поездки.

Но мальчик молчит и пьёт квас.

Я люблю маленьких мальчиков. Они милы и прелестны. Это потом, потом, позже, всё изменится. Он вырастет. И лет через пятнадцать-двадцать обязательно, всенепременно накакает в душу какой-нибудь женщине...

А пока мальчик молчит и пьёт квас.

Сто шестой маршрут. Женщина, которую не понять каким ветром занесло в автобус (потому

что такие женщины в автобусах не ездят), открывает кошелек. Девочка лет пяти увидела его содержимое.

— Мама! Откуда у тети столько денег?

Мама, сконфуженно:

— Тётя их заработала.

Тётя с кошельком неожиданно открывает рот и охотно объясняет:

— Нет, это не я. Это мой любовник заработал. Или украл, может быть.

Не знаю, зачем она это сказала. Но думаю, что после этого у пятилетней девочки в сознании хорошо сформировался образ идеального мужчины.

Девять двадцать—я на работе. Надо в десять. Выезжаю в одно время, привозят по-разному.

Охранник Игорь, испуганно:

— Ты чё так рано???

— Ну так...

— Сто шестой, поди, летел как чокнутый?

— Ну да...

— Вот чё творят? Трасса мокрая, разве можно? И ведь не боятся!

Я ещё не проснулась, мне лень разговаривать.

— Ты б его по голове сумочкой тюкнула!

— Игорь, если *моей* сумочкой тюкнуть—это на-смерть...

Дни я провожу в селе Овсянка. Ночи—в городе Красноярске. Не всегда удаётся выспаться. Сегод-дня всю ночь во дворе тусовались какие-то люди, раздавался смех и пьяные голоса. Возмутительное поведение. Вот у нас в Овсянке никто себе такого не позволяет. Если кто обкушамшись спиртным, так молча падает и смиренно валяется у водокачки. Тишину не нарушает. Воспитание!

В выставочном зале—мужчина и женщина.

Женщина, восторженно:

— Вот что надо читать детям! Астафьева!

Я млею...

— А то что в школьной программе?? Ужас какой!!

Я млею...

— «Мастер и Маргарита»! Дурдом...

Выхожу из сомлевшего состояния. Я не боец. Но своих не бросаю. Никогда.

— Насчёт «Мастера» вы не правы...

— А вы что, ево читали??

— Имела неосторожность.

— И что вы там поняли?? Я вот ничего не поняла! О чём это всё???

Маленький, совсем карликовый, гномий крупье, что живёт у меня в голове, мгновенно закрутил маленькую, совсем карликовую, гномью рулетку. В которой любое красное и чёрное было бы вер-ным ответом на вопрос. Но шарик попал в zero.

И я ответила:

— О любви.

Михаил Афанасьевич. Мы с Вами. Мы любим. Мы рядом.

В ёлке на астафьевском огороде произошёл уди-вительный и шумный разговор сороки и вороны. Я аж рот раскрыла, никогда такого не слышала.

Сорока стрекотала, а ворона даже не каркала, а хрипло выговаривала ей что-то.

Интересно перевела беседу зрительница нашего выставочного зала:

— У неё, поди, там воронёнок, а эта любопытная ле-зет. Говорит: «Я только посмотрю, я только посмо-тру!» А ворона отвечает: «Неча делать. Знаю я тебя, ты посмотришь, потом смотреть не на что будет!»

Вспомнилась: «У нас так в пятьдесят седьмой квартире—старушка попросила воды напитокя. Потом хватились—пианины нету».

В Овсянке какая-то пичуга сидит на ёлке у дома Астафьева. Старательно и чётко выводит: «Тютю-вити. Тютювити». Да, тютю-вити...

Подруга вернулась из-за границ. Ездила в отпуск. Давно не виделись. Звоню:

— Что делаешь?

— Отсыпаюсь. Устала, как собака.

«Видала я такой отдых»,—подумала я и поехала на работу. В Овсянку.

Как пройти в библиотеку?

В библиотеке скучать невозможно.

— Что бы почитать?

— Возьмите «Анну Каренину».

— А она толстая?

— Кто?

— Анна Каренина толстая?

—...М-м-м... не думаю. Она за собой следила.

— Кто?

— Анна Аркадьевна.

— ????

— А в выходные вы как работаете?

Сам по себе вопрос—блеск.

— В смысле?

— Ну, в новогодние праздники! Тридцать первого работаете?

— Работаем. (Про себя: «А вам тридцать первого декабря больше податься некуда, кроме как в библиотеку? Сходили бы в баню!»)

— А потом как? Когда выходите?

— Четвёртого января.

Разочарованно:

— Ого... только четвёртого...

Да и не говорите, три дня отдыхаем. Сами не рады.

Посетительница сдала книгу. Долго читала, три месяца. Александр Полеев, «Вся правда о женском

оргазме». Я не удержалась, посмотрела данные. Читательница 1938-го года рождения. От Рождества Христова. Пришла пора узнать правду.

Под десятого (открываемся в десять)— телефонный звонок.

— Вы бы не могли подсказать телефон Государственной Думы?

— Это библиотека.

— А вы бы не могли посмотреть?

— Что?

— Телефон Государственной Думы!

Где ж посмотреть-то? В книжном каталоге?

В формулярах читателей? Вот если бы Госдума была нашим читателем— тогда без проблем. Но она не наш читатель. Пока что мы её читатели. Так что— упс.

Пришёл юноша записываться в библиотеку.

— Кем работаете?

— Реставратором!

— Прелесть какая! Отреставрируйте меня!

Немного испуганно:

— Не, я пока только речной вокзал могу...

Накануне девятого мая пришла девушка.

— Дайте что-нибудь о войне.

— ?

— Видите ли, это такое правило у меня. Такой личный мой обычай. Перед Днём Победы я должна прочитать книжку о войне. Что вы мне посоветуете?

— А что вы уже прочитали?

— Пока ещё ничего.

Хороший обычай. Нельзя допустить, чтоб он ушёл в прошлое.

Дала «А зори здесь тихие...».

Записываю книги новому читателю, попутно объясняя:

— Книжечки мы даём на месяц...

— А если я беру две книжки? На два?

Поднимаю глаза. Мужчина серьёзен.

— А если вы возьмёте двенадцать? Мне их на год вам выдать?

Мужчина серьёзен. Подумал. Изрёк:

— Логично.

Люди, да не будьте такими серьёзными! Улыбайтесь!

У читателя (мужчина лет тридцати) звонит телефон.

— Не, тут вам ни х... денег не платят. Ну не платят ни х... денег, мам, в этом Красноярске!!

Связь громкая.

Мама:

— Сына, ну ево на х..., этот Красноярск, давай назад в Кызыл!

Пример очень доверительных отношений между родителями и детьми.

Читательница лет тридцати:

— Мне надо книжку для мамы. Мураками. Можно?

— Можно. Вам которого Мураками?

— Я не знаю.

— Рю и Харуки у нас есть. Вам кого?

— Я не знаю.

— Давайте остановимся на Харуки, вот несколько книг, выбирайте.

— Ну я ж не знаю, что нравится моей маме!!!

Пример не очень доверительных отношений между родителями и детьми.

Пришёл мужчина в библиотеку.

— Моя дочь к вам приходила?

Я мужчину впервые вижу. Разумеется, понятия не имею, кто его дочь.

— Она взяла паспорт и пошла к вам записываться.

Часа три назад.

— Как фамилия?

Простая такая фамилия, у меня уже куча людей записалась, я могла и не запомнить.

— Зовут как?

— Эмилия.

Вот Эмилию я бы запомнила. Но не приходила такая.

— Как не приходила? Она к вам пошла! Где у вас детективы? Она там должна быть. Телефон недоступен...

Не нашёл. А я до конца рабочего дня почему-то думала об этой Эмилии.

Вот куда она зарулила?

Беспокойся теперь.

Я не смею ради. И не печали для. Просто это мои будни.

Посетитель (юноша):

— Нам задали стихи Евгения Онегина. У вас есть?

— У нас нет. Ни у кого нет.

Та-дам!

Ещё юноша:

— Я всё на букву «Б» просмотрел!

— Да, я видела, что вы там долго что-то ищете. Но подумала, раз не обращаетесь ко мне, значит, знаете, что вам нужно.

— Да. Но я не нашёл Белкина!

— Ну что ж не сказали? Владлен Белкин в краеведении, это в другом зале.

— Не знаю, Владлен— не Владлен. Мне нужны его повести. Повести Белкина.

Та-дам!

Женщина:

— Мне нужна Анна Снегина.

— Вот, пожалуйста.

— Нет, Есенина не надо. Мне Анну Снегину.

Та-дадам! Та-дадам! Та-дадам.

Десять утра, только двери открыли.
— Здравствуйте! Дайте что-нибудь почитать, всё равно что.
— Совсем всё равно?
— Да!
— Вот, пожалуйста, милый учебник по неорганической химии. Редкая вещь в зале художественной литературы. Возьмите, не пожалеете!

— Ой. А романчиков у вас нет?
...Ну нет, конечно. Откуда в библиотеке романчики??
— Ой, а я-то помню, где стоят, я только одну книгу возьму, а то мне ещё к подруге ехать, тяжело тащить.
— Хорошо, выбирайте.
— А это чего вот тут? Это сдали? Можно, я в этой кучке посмотрю?
— Конечно, смотрите.
— Ой, я вот эту и вот эту возьму! И пойду ещё романы посмотрю, хорошо?
— Хорошо.

Выбрала три тяжелых. О любви.
— Как же я донесу-то? Я ж старушка уже.
— Где вы старушка?
— Ой. Ну мне семьдесят один!!!
— Да ладно?
— Ой. А с выставки можно книги брать?
— Конечно, можно.
— А вот про Раневскую можно?
— Конечно, можно.
— Ой, нет. Я пока её оставляю. А то ж мне ещё не домой, я к подруге еду.

Женщина по имени «ой». Настоящая женщина.
Ой, ну всё. Вы меня поняли.

— У вас есть писатель... Щас...
Роеся в телефоне.
— Щас... ну где?... щас-щас... вот! Мойес!
— Только «После тебя».
— Что?
— Мойес. «После тебя».
— Что после меня? Я не понял. Очередь на него?
— Роман Мойес называется «После тебя». Будете брать?
— А! Буду! Так я не понял, на него после меня очереди нет?
— А зачем вам это?
...И тут же думаю: «А зачем мне это?»

По понедельникам у нас собираются шахматисты. Дедули и бабули режутся в шахматы с часу дня и чуть ли не до закрытия библиотеки. Часа в три подходит дедуля ко мне:

— Дай телефон. Бабке позвоню, чтоб не волновалась.

Слышу, бабка берёт трубку. Дедуля кричит:
— Филипповна! Я в шахматном клубе!

Слышу, Филипповна отвечает:

— А мне какое дело? Чё ты звонишь? Мне некогда.
— Ты меня не теряй!
— А где ты?
— В шахматы играю. В библиотеке.
— Да я знаю. Чё ты звонишь-то?
— Ты меня не теряй!
...Трогательно. Очень.

Новая читательница. Год рождения—1965-й. Заполняю формуляр.

— Номер телефона свой продиктуйте.
— Мамин?
— Свой. Вы же записываетесь, а не мама.
— Я для мамы буду книжки брать.
— Номер телефона продиктуйте.
— Мамин?
— Свой.
— Маме стало тяжело ходить, а читать она любит, я буду ей книги брать.
— Номер телефончика можно узнать?
— Мамин?

—...продиктуйте номер телефона, по которому вас можно будет найти.

— Меня?
— Вас.
— Или маму?
— Вас!

Таки продиктовала. Я не знаю, свой или мамин.

У кого ангельское терпение? У меня ангельское терпение.

Копаясь в книгах, слышу, гардеробщица спрашивает у кого-то:

— А чей он, «Чёрный принц»?
Поднимаю голову, кричу:
— Мэрдок!

Там пауза недоуменная. Думаю: «Что это вдрут Мэрдок понадобилась человеку, который всегда Донцову и Воронову читает?» Оказалось, речь о сыре. Есть такой сорт сыра—«Чёрный принц».

И ощутила я себя человеком, который слаще морковки ничего ел...

Женщина бодрой походкой прошла по залу, быстро выбрала две книги. Записываю. «Сексуальная революция» и «Охота на самца». Боже, в такую жару...

Девонька лет восьми. Стрекозень, которая ещё не встретила с муравьём. Актриса готовая. Каждая реплика—спектакль. Очередь из двух бабушек, двух тётушек и одного дядечки замерла от восторга.

Девочка сдаёт книгу Чехова.
— Вы Чехова кому брали?
Я-то думала—брату-папе-маме-дедушке...
— Себе!

— И всё прочли? Даже «Вишнёвый сад»?????

— Да! Только ничего не запомнила! Я не знала, что мне только «Каштанку» надо, и всю книгу прочитала!

Стрекоза упорхнула, очередь хохочет. Антон Павлович тонко улыбается.

Читательница третий раз продлевает книгу. Да ладно бы Монтень какой-нибудь, а то — детектив. Говорю:

— Вы чего его так долго смакуете? Третий месяц.

— Да какой-то он... туго идёт.

— Ну так и бросьте! Мучиться ещё. Сколько той жизни...

— Да понимаете, там написано: любимый детектив английской королевы! Интересно же, что в нём королева нашла.

— Да я вас умоляю. «Написано»! Это просто серия такая. А английская королева давно забыла, как книги открываются...

...А потом думаю: «А что я так на английскую королеву-то? Босота. Она, может, с утра до вечера только и делает, что детективы читает...»

Разговариваю с юными. Ну, относительно юными: одной двадцать четыре года, второй — двадцать восемь. Говорю:

— И вот вторая часть марлезонского балета.

— Это что такое вы сейчас сказали?

— Классику не знаете?

— Да мы балет не смотрим. И оперу.

— Это из «Трёх мушкетёров».

Одна:

— А. Ну я их не знаю. Знаю, что одного звали Атос, второго — Портос, третьего... не помню.

Вторая:

— Дантес!

Первая:

— Ну да. И что они там делали? Мушкетёрили? Вот не люблю я про рыцарей.

Это реальный разговор, правда.

Новый читатель пришёл.

— Где, кем работаете?

— Тренер. Спортивная школа «Вертикаль».

— Ух ты! Альпинизм?

— Нет. Шахматы.

Неожиданно.

Коллега записала новую читательницу. Смотрю в формуляр. Профессия: «Секрет».

— Это что такое? Тайный физик?

— Ой! Секретарь! Это я торопилась.

За полчаса до конца рабочего дня пришла молодая женщина.

— Можно вопрос задать? Скажите, а я у вас записана?

Я как-то и не особенно удивилась. Сделала вид, что и меня в полдевятого вечера обычно заботят подобные вопросы. Вот как полдевятого бахнет, так я задумываюсь: «Интересно, а я в библиотеку записана? Пойду-ка проверю...»

Вваливается в библиотеку тётя с авоськами, паке-тами, тяжело дышит, чуть ли не от дверей кричит: — Здрас-сьте! А Зуева здесь?

Пока идёт до меня, я судорожно думаю, кто такая Зуева.

Дошла:

— А Зуева здесь?

— А кто это — Зуева, извините?

— Вы чё, Зуеву не знаете??

Не, ну я знаю Зуеву, но она сейчас за сотни кмэ, здесь никак не может быть.

— Зуеву-то все знают! Мы на базе разминулись.

Устроила свои кули в уголке, пошла книги вы-бирать.

Вваливается ещё одна тётя с авоськами и па-кетами.

— Здратути. Можно, я вот тут поставлю?.. Ой! А это Любины сумки?

— Не знаю.

— Не знаете, чьи сумки? Да вроде Любины. Да точно — Любины.

— Это сумки женщины, которая искала Зуеву.

— Так это я — Зуева! Мы на базе потерялись.

Из недр библиотеки появляется Люба:

— Ну, слышу, Зуева пришла!

Встреча на Эльбе. Теперь я знаю Зуеву. И Любу. И вы тоже.

Мужчина выбрал две книги. Первая — «Как остано-вить старость». Вторая — «Волна страсти». На-хлобучило, знать, мужика. Завидую.

Среди постоянных читателей есть три брата.

Я, правда, не сразу поняла, что их трое. Сначала говорила: «Ты же вчера был», — он говорил: «Не был я вчера!»

У меня с лицами сильно плохо, я и не замора-чиваюсь, это бесполезно.

И вот они втроём пришли. Одновременно. Наконец-то. Одно лицо. У троих. Совершенно одинаковые лица. Я посмотрела в этот трельяж, обалдела. Это шикарно. Мальчишки лет по десять.

— Вы тройняхи?

— Нет. Мы двойняхи, а это — брат.

Я присмотрелась. Поняла. Брат на год младше. И чуть пониже. Через чуть-чуть он сравняется с двойняхами. И будет — не отличить вообще. Я понимаю, что характеры разные. Я уже почти на-училась их различать. Они совершенно одинаково грустируют. Но и это я скоро научусь различать.

Но когда на тебя смотрят три одинаковых оле-нёнка — это впечатляет.

Женщина, смущённо:

— Извините... а у вас здесь нет—случайно—туалета?

Есть! Совершенно случайно! И об этой случайности давно знают все бомжи в округе...

Мой народ прекрасен и удивителен. Библиотека четвёртый год работает с десяти до двадцати одного часа. Без выходных. Но обязательно каждый день кто-нибудь звонит, и разговор всегда одинаков:

— Здравствуйте. Библиотека.

— Это библиотека?

— Это библиотека, здравствуйте.

— А вы сегодня работаете?

А-а-а-а!!! Ну нет, мы не работаем, я забежала просто с вами по телефону поболтать!!!!

Все мы разные. Кто-то аккуратист, кто-то—поросё.

Приносит мужчина книги сдавать, вместе с книгами из пакета высыпается земля. Засыпал мне весь прилавок.

Я говорю:

— Что за намёки? Я, конечно, уже сильно не девочка, но землёй натираться пока не собираюсь...

— Ой! Это я сделал?

— Ну нет! Из меня высыпалось!

— Ой-ё-ё-ёй, видимо, пакет из-под картошки взял.

Видимо.

Пошла я книги чистить...

Школьница:

— Мне нужна книга «Тучка».

— ?? Приставка?

— Не знаю.

— А кто же знает? Автора книги надо знать.

— Щас, я где-то записывала.

Достаёт наконец-то мятуго бумажку.

— Щас. Не могу понять, что написано.

— Написали и не можете понять?

— Да это не я писала! Ну «Тучка»! Книга!

— Дайте вашу бумажку.

Я вообще хорошо разбираю каракули. Смо-
трю—«Островский». Да ладно?

— Островский?

— Да! Точно! Островский! «Тучка»!

Чтобы не спятить, пришлось применять всякие дедукции. В результате выяснилось, что речь о бессмертной драме «Гроза». Но до безумия мне оставалось ровно два шага.

Звонок.

— Здравствуйте! А бассейн сегодня работает?

— Нет. В нашей библиотеке пока нет бассейна.

— Э-э-э-э-э... А будет?

Я не знаю. Всё может быть.

— А где у вас Толстой?

— Который?

— В смысле «который»?

А во взгляде читается: «Понабрали библиотекарей! Толстого не знают!»

— У вас копию паспорта можно сделать?

— Да, пожалуйста.

— А что для этого нужно?

— Три рубля.

— Хорошо.

— Давайте паспорт.

— А что, и паспорт нужен??

— Ну-у-у-у... если поразмыслить... Я с чего копию снимать буду?

— Я думал, как-нибудь так...

Если читателю нужна какая-то определённая книга и в библиотеке она есть, но сейчас у кого-то на руках, что делает библиотекарь? Правильно, записывает заказ в специальную тетрабочку. Когда книга возвращается в библиотеку, библиотекарь звонит читателю и радостно говорит: «Приходите скорее, „Шантарам“ сдали, он вас ожидает».

Читатель Кузин захотел «Шантарам».

— Книга на руках. Записать вас на неё? Как сдать—позвоним.

— Да, конечно! Как здорово!

«Шантарам» этот... толстый такой. Его долго читают. После Кузина на книгу записались ещё двое.

Появляется Кузин. Где-то через месяц.

— «Шантарам» ещё не сдали?

— Сдали. И забрали уже. Я три дня вам звонила—бесполезно. А на книгу очередь.

— А! А я на незнакомые номера не отвечаю.

Я замерла с ручкой. Ну что сказать? Очки поправила и дальше работаю...

Пришла семейная пара. Жена недовольная. Муж книги вынимает из пакета.

Я занята, записываю книги читателю, который уже выбрал. Боевики, боевики. И внезапно—Метлицкая.

Недовольная жена заинтересовалась. Смена мимики на лице. Мужу—торжествующе:

— Вот! Мужчина берёт книги жене! А тебе стыдно мне Шилову или Донцову взять, тащишь меня с собой в библиотеку!! Я картошку только хотела почистить...

Смотрит на меня, ищет сочувствия. Понимаю. Я тоже люблю картошку. Но не знаю, что сказать. Пауза затянулась. Торжествующая жена смотрит на меня выжидательно. Я молчу.

— Стыдно ему! А? А вот муж берёт жене!

Читатель, который уже выбрал, невозмутимо расписался в формуляре и спокойно сказал:

— Почему жене-то? Я себе беру.

И это была единственная возможная точка в ситуации.

Ребёнок лет четырёх-пяти постоянно приходит то с мамой, то с бабушкой.

Закашлял. Я:

— Илюха! Ты что, болеешь?

— Нет! Он только сейчас начался!

— Кто?

— Кашель! Это меня кто-то вспоминает, значит.

...Знал бы ты, Илюха, как часто меня кто-то вспоминает. Особенно по утру.

Женщина долго ходила по залу. Осматривала все стеллажи. Листала некоторые книги. Ставила их на место. Смотрю, собралась уходить ни с чем.

— Может, вам помочь?

— Не надо. Я поняла, что не хочу читать.

Вот так. Аппетит не всегда приходит во время еды. Иногда вид еды может отбить аппетит.

Мой любимый возраст — четыре-пять лет от роду.

Беседуем.

— Ты стихи любишь?

— Люблю!

— Какие?

— Какие??

— Чтобы в них что было?

Глубокомысленная пауза.

— В журнале!!!!

Вот съела бы от любви.

А у вас нет резиночки? Нет, не стирательной, мне волосы завязать, мешают!.. В следующий раз принесу. И бигуди, фен. Мало ли?..

— Здравствуйте. Может, сегодня что-нибудь возьму. А то в прошлый раз приходила, ничего не выбрала.

— Наверное, вы просто были не в настроении...

— Нет. С моей профессией я не имею права быть не в настроении.

— Какая же у вас профессия?

— Повар.

Я завидую людям, которым готовит этот повар.

Мои библиобудни начинаются ещё до рабочего дня...

...В библиотеку приходит газета, которую кому надо, тот и берёт. Бесплатно. Обычно берут пенсионеры. Особенно по пятницам — там телепрограмма. В какой-то момент мы заметили, что газеты стали как-то быстро заканчиваться. Стало газет не хватать. Всегда ещё и на субботу, а то и на воскресенье оставались, а тут прям в первой половине дня пятничного пенсионеры идут и спрашивают: — А что, газет не осталось?

Странно.

Выяснилось, что исчезают газеты после визита одной бабушки. Она просто забирает всё.

Ещё странней. Зачем ей столько газет?

Выяснилось (читатели рассказали), что бабушка потом ими на углу торгует. То есть берёт бесплатно, а отдаёт за какие-то деньги. Безусловно, зарабатывать как-то надо. Но, пардон, всё-таки не совсем это правильно... Пришлось эту бабушку запомнить, благо «берет немислимый такой на ней», и давать ей строго два экземпляра.

А к чему я всё это?.. Я ж про другое хотела. А, да. Мои библиобудни начинаются ещё до рабочего дня.

В понедельник еду на работу в автобусе. Сонно, холодно, и вообще как-то всё... и ещё Новый год этот грядёт... а вот это уже не успеть... и подарки надо... чего-нибудь там...

И тут мне под капюшон заглядывает мужчина. И произносит:

— А у вас с пятницы газеты остались?

У меня, собственно, всё.

Читателей в нашей библиотеке много. Среди них встречаются забывчивые. У нас забывают шапки, перчатки, сумки, очки, флешки, наушники, книги, которые только что выбрали... Потом всё, конечно, легко находят. Чаще всего забывают читательские билеты.

Бывают редкие забывашки. Один раз у нас забыли ребёнка. До остановки дошли, поняли: чего-то не хватает. Вернулись, забрали. Один раз бабушка забыла свою палку. До угла доковыляла, поняла: чего-то не хватает. Вернулась, забрала. Я к тому времени об этот костыль, прислонённый к дивану, уже дважды споткнулась...

А раз после большого наплыва посетителей вдруг наступила тишина. И чувствую я — эта тишина пахнет. Вкусно пахнет. Смотрю: под столом лежит пакет полиэтиленовый, а в нём — три сардельки. Хорошие такие, жирненькие, аппетитные. И ароматные.

Если кто не знает, современный библиотекар — это не просто библиотекар. Он ещё и фотограф, и дизайнер, и массовик-затейник, и нянька, и воспитатель. И детектив. Начинаю поиск владельца сарделек.

С продуктовой базы, что неподалёку, или из магазина «Мясная лавка», что совсем рядом, к нам обычно приходят бабушки. Им так удобно: сначала продуктами затарятся, потом идут за духовной пищей. Поставят сумки с покупками на диваны или на стулья и разбредаются по залу, книги выбирают. Пытаюсь вспомнить, кто ставил сумку вблизи места найденной колбасы. Не помню. Поднимаю формуляры последних посетителей, среди них, к счастью, оказываются всего четыре бабушки. Обзваниваю — никто не отвечает, бабушки пошли дальше по своим делам, а дел у них много. И только к вечеру начинаются весёленькие диалоги. — Римма Викторовна, здравствуйте! Библиотека Добролюбова беспокоит...

— А что такое? Девушка, я ничего не должна, я только сегодня была, всё сдала: и Черкасова,

и Маркова, а про Дашкову я объяснила—её моя соседка Надя читает, ей немного осталось, она не успела, мне обещали продлить...

— Римма Викторовна!!!!!! Вы сардельки сегодня покупали???

— Э-э-э-э-э? Каво?

— У нас кто-то сардельки забыл, вот всех обзваниваю.

— А-а-а-а! Нет, не покупала.

Ну и хорошо, не эта без ужина осталась.

Второй звонок оказался счастливым. Я выпалила скороговоркой:

— Вера Николаевна, это из библиотеки Добролюбова. Не вы у нас сардельки потеряли?

— Ах! Вот где! А я-то думаю: где?

— Вера Николаевна, у нас холодильник нет, до конца рабочего дня два часа, так что вы давайте...

— Ой! Да милые мои! Да я ж только пришла! Я так устала! Да ни за что не поеду назад! Девочки, да вы уж покушайте! Я ж только разделась! Кушайте, мои дорогие, кушайте!

Вот и прекрасно, для Веры Николаевны это не единственная еда. И мы без ужина не остались.

Я люблю вас, мои читатели.

Девушка в библиотеке. Загорелая-презагорелая, в шортах, похожих на трусы. Пришла впервые.

— У меня такая просьба... я в книгах ничего не понимаю.

— Да в них никто не понимает.

— Я просто вообще не читаю. Хотя я из читающей семьи. Все читают, а я не читаю. Но дайте мне что-нибудь для моего молодого человека.

— А что он любит?

— Я не знаю.

— А кто знает? Я?

— Сейчас я ему позвоню.

Не дозвонилась. Пошли методом аккуратной разведки. Сколько лет молодому человеку, чем занимается... Хотя всё это такой не совсем показатель... Остановились наугад на трёх книжках: одна фантастика, один боевик, одна классика... Записываю.

— Ну что ж вы не читаете? Может, попробовать?

— Да пробовала! Не моё!

— А кино? Кино любите?

— Нет! Кино тоже не моё.

— М-м-м-м-м... А что ж вы делаете?

— Я думаю. Я очень много думаю.

Ну, тоже дело. Не поспоришь.

— Мне книгу надо...

— Слушаю вас.

— А что?

— Какая книга вам нужна?

— А, не помню.

— Отлично!

— Во! Точно! На букву «О»!

— Ещё отличней... Молодой человек, что с памятью?

— Да забыл я.

— На букву «О»— автор? Или название произведения?

— Э-э-э-э-э... ну-у-у-у.

— «Обрыв», «Обыкновенная история», «Обломов»??? Островский? Осеева?

— Я посмотрю, у меня записано. Вот! Спарк!

Николас Спарк! Есть у вас такое?

— Есть!

...Много чего есть на «О». Остеохондроз есть... Остервенение лёгкое... Особое Отношение к людям.

Кому чего надо—жду. Пока не Очучурилась.

Звонок.

— Библиотека? А вы книги продаёте?

— Нет. Мы же не магазин. Мы книги даём бесплатно. С возвратом.

— Странно.

Если подумать, то действительно—странно. В «Винотеке» же, к примеру, вино бесплатно не дают. С возвратом.

Строжусь:

— «Война и мир» сейчас всем нужна, поэтому не задерживайте.

— Ой, да я через неделю принесу.

— ? За неделю четыре тома прочитаете?

— Да там надо-то... у нас такая программа... я вообще только одну эту прочитала... как её... «Грозу».

— Странная программа. А «Грозу» кто написал?

— Ой, да я не знаю.

— А вообще в голове что-нибудь от той «Грозы» осталось?

— Да, конечно! Она там потом в конце сбросилась.

— Куда?

— В озеро!

Мама дорогая, батюшка родный...

Я ни в коем случае не националистка... Но я трус.

И когда в воскресенье... Когда в библиотеке из охранников я, Нина Ивановна на швабре, Дарья Борисовна в другом зале...

И тут заходят три косых сажени ярких брюнетов, сильно небритых... Активно ходят, смотрят на стеллажи, белозубо улыбаются. Кивают друг другу...

— Атлычно, атлычно,—говорят.

Тут трусанёшь, конечно... Но при этом я понимаю, что «Преступление и наказание», которое вот прямо одно осталось, я им не отдам, даже если меня гранатой по башке стукнут. И уж тем более первую часть «Анны Карениной», она тоже одна.

А они мне улыбаются и говорят:

— Хорошо у вас! Мы будем приходить!

— До свидания,—говорю я.

И иду курить во двор через дорогу.

Вы даже не представляете, насколько наш народ мучим жадной. И я не представляла, пока в библиотеке кулер не поставили. Это ж невидаль, к нему очереди выстраиваются.

По-моему, у моего народа чёткая установка— использовать максимально всё даденное. Пришёл в библиотеку—книги, само собой. Но здесь есть туалет! Надо посетить! О, кулер! Надо пить!

Пейте, дорогие люди. Всё для вас!

Звонок.

— Здравствуйте. Это бабушка.

— Здравствуйте, бабушка. Это библиотека.

— А Шихова там есть?

— А кто это?

— Моя внучка.

— Она должна здесь быть?

— Сказала, в библиотеку пошла.

— У меня такой читательницы сегодня не было.

Она сказала, зачем пошла?

— Писать... этот... как его... как их, пишут их они всё время...

— Реферат?

— Да!

— Сейчас я спрошу в компьютерном зале.

И там Шиховой не оказалось.

— Не было у нас сегодня вашей внучки!

— Вот сучка! Я так и знала!

Думаю, не видать нам теперь Шиховой и вовсе никогда.

Когда-то мы хохотали над анекдотом. Там жена выискивала мужа-пьяницу, методично обходя все питейные заведения в округе. Наконец находила его, брала за шкуру, вела домой и ругала: «Сволочь! Я все рестораны, все бары обошла!» Муж оборонялся: «Какого чёрта ты меня по барам ищешь? Сходила бы в музей, в библиотеку, там поискала бы!» Было смешно. Уже нет. Неактуально.

Как знают все, кто со мной общается, моя библиотека работает до двадцати одного часу. Многие из тех, кто со мной общается, говорят: «Да ладно? Что за ерунда? Кому в библиотеку захочется в девятом часу вечера?..»

Хроника нескольких вечеров.

Вообще, ближе к девяти вечера активизируются фанаты Шпенглера, Кафки и Ницше. Это нормально уже—забегать в двадцать тридцать с испуганными глазами: «У вас есть Ницше?» И сразу понятно, что без Ницше человек не уснёт. У нас всё есть. Иду искать Ницше...

Двадцать тридцать пять. Входят четверо юношей:

— У вас же можно компьютером воспользоваться?

Да. У нас всё можно.

— Только мы не записаны. Что нужно, чтоб записаться?

Да пустяки. Паспорт.

— О как! Тут ещё и паспорт нужен, прикиньте, пацаны!

Нужен. Время тикает. Паспортов нет. Парни готовы за ними сбежать. Но я что-то не готова ждать.

Двадцать сорок.

— Здравствуйте!

И вам не хворать, мамочка с трёхлетним малышом.

— Можно, мы в детской комнате побудем?

Можно. У нас всё можно. Двадцать минут до закрытия. За сколько дитё разденется? Дублёночка, шапка, рукавички, комбинезончик, сапожки... Теперь уже и одевайтесь обратно. Где шарфик?

Двадцать сорок пять.

— А что это, вы уже закрываетесь?

Суровая мама с дочей-школьницей... Да прям. Это у меня просто ноги в туфлях устали, я переобулась в ботинки...

— Вам Ницше?

— Каво? Нам задали... как, Лиза? Как нам задали? Где ты записала? Давай сюда! Вот! «Челкаш» нужен! Можно?

Можно. У нас всё можно.

— Горький вот, на этой полке, посмотрите. Я пока на звонок отвечаю.

Продлеваю по телефону срок сдачи книг, возвращаюсь к маме с дочей.

— Куда вы нас послали?

Я??? Послала?????

— Всю полку перерыли! Здесь нет Гоголя!

— Какой Гоголь? Вы же «Челкаша» просили!

— Да! Но Гоголя здесь нет! Тут только Горький!!

Двадцать пятьдесят. Дедушка. Бодренский.

— Это же библиотека?

Я уже не знаю. Вроде да. С утра точно была библиотека. Заглянул в один зал. Посмотрел на компы, как Новосельцев на мобиль в квартире Самохвалова. Заглянул в другой зал. Книги. Не, не то. Взгляд потух. Увидел копировальный аппарат. Взгляд загорелся:

— О! У вас копии можно сделать?

Можно. У нас всё можно.

— А сколько стоит?

— Три рубля.

— Три рубля??? Вы что, обалдели?

Да. Кажется, я уже обалдела...

Улица. Свежий воздух. Такси? Конечно, такси. — Вам куда?

Я и не знаю... Я никуда не хочу.

— Можно на Взлётку?

Почему нет? Вот у нас всё можно...

— На Взлётку??? Десятый час! Я ж потом оттуда не уеду!

А я, кажется, отсюда не уеду. И смысла не вижу. Ведь завтра снова в бой. Милый бой. Покой нам только снится...

Я люблю вас, мои читатели. Мои таксисты. Мой город. И мой снег.